

На правах рукописи

ГРИБОВ Сергей Николаевич

**ДИСКУРС МАССЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
ПАРАДИГМЫ ПОНИМАНИЯ, СИМВОЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

4843507

27 ЯНВ 2011

Белгород – 2011

Работа выполнена на кафедре философии
ГБОУ ВПО «Тульский Государственный университет»

- Научный руководитель:** кандидат философских наук, доцент
Троегубов Андрей Геннадьевич
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук, доцент
Кожемякин Евгений Александрович
- кандидат философских наук, доцент
Антонова Елена Леонидовна
- Ведущая организация:** Курская государственная
сельскохозяйственная академия

Защита состоится 26 января 2011 г. в 16.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2010 г.
Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Присутствие в культурном социуме феномена, по смысловым и содержательным параметрам аналогически тяготеющего к тому, что в XX столетии получило наименование «масса», наблюдается со времен греческой Античности. Проявление выраженного культурологического и философского интереса к данному феномену фиксируется с эпохи Просвещения, однако, кульминация рефлексии по его поводу достигает к концу XIX века. С начала прошлого столетия масса все заметнее начинает заявлять о себе в связи развитием процессов урбанизации, массового индустриального производства, а позднее – *массофикации политических структур управления*, появлением средств массовой коммуникации и информатизации общества (наличие массы в различных бытийных модусах обнаруживается и в демократических, и в тоталитарных режимах).

Эффект «массофикации» сказывается на всех ключевых областях культурного бытия, таких как потребление, производство, коммуникация, снабжая их предикатом «массовое», вынуждая теоретиков от культуры, политики, социальной философии координировать стратегические и прогностические умпостроения с существенными поправками на массу. Закономерным итогом является появление и последующее углубление теорий массового общества, объемлющих социально-философские, политологические, философско-культурологические аспекты в подходах к проблеме. Тем не менее, даже в трудах предполагающих более широкую предметную базу, например, социально-футурологической направленности (Д. Белл, Э. Тоффлер) или аналитику наличных культурных ситуаций и парадигм (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез), тема массы с необходимостью включается в корпус исследовательской мысли.

Параллельно с этапами цивилизационного прогресса, как свидетельствует историческая практика, сложившиеся теории и, собственно, материал предлагаемого исследования, происходит периодическая реорганизация, адаптивная культурная трансформация и модификация массы в ее феноменальном и деятельностном измерении, что, с очевидностью, будет иметь место и в обозримом будущем. В этой связи, не смотря на внушительный объем специализированных по данной проблематике работ, процессы «массофикации» приходится квалифицировать в качестве феномена, требующего постоянного наблюдения и своевременного философского анализа и осмысления с целью конструирования адекватных социальных проектов.

Степень научной разработанности проблемы. В области разработки тематики, посвященной проблемам социальных масс, накоплен внушительный опыт исследований. Тем не менее, преимуществом в его составе пользуются труды философско-культурологической направленности (конкретно, касающиеся вопросов массовой культуры) и, несколько в меньшей степени, политологического толка (в соотношении: масса и тоталитаризм, масса и власть).

Диссертационное исследование ориентировано на два проблемных блока: во-первых, рассмотрение и анализ процессуального и концептуального становления теории массы в социально-гуманитарной и философской мысли XX-XXI вв., и, во-вторых, аналитика функционирования массы в современном социокультурном пространстве. В первом случае теоретической платформой исследования послужили, главным образом, первоисточники, принадлежащие крупнейшим представителям социально-гуманитарной и философско-культурологической традиции в философии: С. Сигиле, З. Фрейд (психоанализ), Г. Лебон, С. Московичи, В. Райх, Г. Тард, Э. Фромм (социальная психология), Х. Арндт Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс (философия жизни, экзистенциализм), Т. Адорно, Г. Маркузе (неомарксизм). В трудах данных мыслителей оформляется базовый концептуально-терминологический аппарат, производится разработка схематики феноменального облика массы, ее конститутивных элементов, фиксируются социальные и культурные предпосылки, определяющие стимулы вовлеченности и оформления в массу. В рамках данного подхода концентрируется внимание на экстраоризируемых факторах становления «человека массы» – морали, социокультурной динамике становления и трансформации, зависимости от экономических, политических условий и специфики культурной ситуации в целом.

Дополнительно к анализу проблем первого уровня привлекалась литература, способствующая их конкретизации и выработке общетеоретической позиции диссертанта. К таковым относятся труды современных отечественных и зарубежных авторов: Г. Блумера, Ю.Н. Давыдова, Г. Дебора, А.Б. Ковельмана, П.М. Корявцева, А.В. Кукаркина, Б.В. Маркова, Р. Меншела, К.Э. Разлогова, Т.К. Теплиц, М.А. Хевеши, В.П. Шестакова и других, позволяющие дополнительно прояснить отдельные аспекты массового поведения, сознания и внутрикультурного взаимодействия.

Решение второй группы проблем производилось на материале текстов постмодернистской философии культуры и классических трудов социальной футурологии. Среди них главное место отведено исследованиям Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Э. Тоффлера, М. Фуко. В работах постмодернистов акцент ставится на факторы конструирования механизмов желания («соблазна»), формирующих новые типы зависимостей современного «человека массы» с учетом культурно-идеологических стратегем, присущих либеральному демократическому обществу (т.е. новых условий «производства масс»), и, соответственно, в обновленном ракурсе соотношений «масса – власть». Исследования футурологов содержат материал, конкретизирующий специфику социокультурного функционирования и образования масс применительно к «постиндустриальному обществу» и обществу «третьей волны» или «обществу потребления». Ценным является анализ перспектив перехода нынешнего общества в общество «информационное», что требуется для решения актуальной проблемы экстраполяции воздействий информатизационных факторов на процессы, стимулирующие бытование «массовой» ментальности и культуры.

Также для детализации аспектов данного блока проблем дополнительно изучалась литература, раскрывающая особенности функционирования сложившейся либеральной демократии в плане интенсификации модуса массового потребления (материального и духовного) в общей социальной структуре, революционизирующее влияние высоких телекоммуникационных технологий на социокультурную среду и, в данной связи, появления новых форм реализации власти, манипуляция сознанием и тенденций к «виртуализации» масс. В ее составе работы Г.П. Бакулева, П. Вирилио, И. Джохадзе, Э. Канетти, С.Н. Кара-Мурзы, М. Кастельса, В.А. Лисичкина, М. Маклюэна, Н.Н. Моисеева, М.М. Назарова, Д.В. Ольшанского, М. Паренти, А.И. Ракитова, А. Цуладзе, Л.А. Шелепина и др.

Объект исследования: *социокультурное состояние современного общества в его массовых основаниях.*

Предмет исследования: *социальная масса в системе современной культуры, ее культурные символы, смыслы и значения, эволюционные тенденции.*

Цель исследования: концептуализация дискурса массы в диапазоне ее символических, функциональных, структурных, коммуникационных, сублимационных измерений в современной культуре и ее транзитивных процессах.

Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи:

- реконструкция социально-гуманитарной парадигмы исследования феномена масс в период массификации социокультурных оснований общества модерна;
- установление существенных параметров дискурса массы на основании анализа материалов философских и социально-гуманитарных исследований;
- философско-культурологическая интерпретация факторов формообразования масс в вариативных и транзитивных культурных ситуациях;
- выяснение связей координации в культурной иерархии «власть – общество – масса» и их влияния на дисциплинарные технологии управления либерально-демократическим производством масс;
- фиксирование культурной эволюции массы в пространстве постсовременных медийно-информационных технологий и коммуникаций.

Теоретико-методологические основы исследования. Для решения поставленных задач использовался комплекс нижеследующих методов.

В целях нахождения и установления концептуального единства по поводу существенных характеристик природы массовых социальных образований использовался метод *компаративного* анализа, метод *реконструкции* и *системный* подход.

Для координации социально-гуманитарной и философской линий параллельно применялся *интегративный* подход. Метод *философско-культурного* анализа позволил вычлнить способы производства массы в современном мире и ее культурную нишу в масштабе социума; *социокультурный* метод – определять функциональные связи в общественной структуре и соотношениях с институтами власти; *социально-психологический* подход – экзистенциальные, психологические доминанты, формирующие облик «человека массы».

На основании *диалектического* метода стало возможным обнаружение истоков эволюционной (по крайней мере, трансформационной) схемы в социокультурной динамике существования массы.

Научная новизна диссертационного исследования:

– на основании интерпретации авторитетных социально-гуманитарных текстов осуществлена реконструкция парадигмы исследования концептуально-сущностных параметров дискурса масс;

– исходя из концептных оснований экзистенциализма (Ж.-П. Сартр) и постмодернизма (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр) смоделированы механизмы духовного и символического производства желания применительно к «органике» массы;

– обозначены принципы координации социальных масс и структур власти в условиях культурно-идеологической вариативности (тоталитаризм – либеральная демократия);

– выявлены факторы формообразования в структуре «власть – масса», новой культурной модификации «информационной массы» и массовых стратегий информационного общества;

– концептуализирована схема культурно-эволюционной трансформации масс в границах ее бытования в качестве феномена постмодерна и постиндустриальной цивилизации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В социально-гуманитарной и философско-культурологической традициях XIX-XX вв. складывается концептуально-теоретический базис и понятийно-терминологический аппарат для спецификации социокультурного дискурса массы, из чего следует признание факта начала истории ее значимого бытия в культуре. Исходными понятиями осмысления феномена выступили концепты «толпа» Г. Лебона (управляемая «естественными» законами), «публика» Г. Тарда (управляемая законами «социальными»), «авторитарная личность» Э. Фромма, «человек-масса» С. Московичи. Они же впервые отметили тенденцию растущей зависимости культуры от влияния «толпы». Усилиями социально-гуманитарной традиции XX века получила оформление концептуальная сущность массы, выраженная предикатами иррациональности, стихийности, податливости внушению, жажды власти (и как субъекта, и как объекта силового воздействия), примитивности желаний, отсутствия способности к конструктивному культурному творчеству.

2. В отличие от психологов, социологов и ученых-гуманитариев, делающих при объяснении склонности индивида к массовому состоянию став-

ку на «природные влечения» и «силу внушения», представители философии опираются на философско-культурологический и философско-антропологический подходы, позволяющие адекватно определить место массы в масштабе культурной эволюции, равно как и в рамках социокультурного взаимодействия с институтом власти. Масса признается неизбежным продуктом современной цивилизации, удобным объектом и орудием политических манипуляций, служащим для легитимации дискурса власти. Философы дополняют картину характеристиками массы инертностью, склонностью к нигилизму, неумному потреблению, самодовольством, деморализацией, деструктурированностью, деидеологизированностью, а также установлением социальных, исторических, экономических и культурных причин возникновения масс, анализом встроенности структур омассовления в дискурс и технологии власти.

3. В силу того, что масса в работах философов постмодернистского направления интерпретируется в ипостаси генератора бесконечных желаний, отдельное место занимает культурная антропология производства желания в современном контексте. В подобной артикуляции сущностным параметром массы является культурно-психологическая зависимость, что, в свою очередь, актуализирует проблему власти во всех ее формах. Основываясь на философских и культурных текстах постмодерна правомочно констатировать факт роста универсальной зависимости «человека массы» в современной социокультурной ситуации, к которой относимы и феноменально выражаемые стратегемы либеральной демократии по поводу равенства прав и удовлетворении растущего потребительства, подогреваемого духовным производством за счет модификации имеющихся традиционных культурно-антропологических механизмов желания (удовольствия, наслаждения), и внедрения новационных («соблазна»). Интервенция масс в сферу культуры является симптомом «заката социального», вырождающегося в «симулякр» (Бодрийяр), одним из конститутивных принципов чего оказывается омассовление культуры и, соответственно, симулятивность массы.

4. Проблематика зависимости культурного субъекта постмодерна находит продолжение в ракурсе исследования приемов манипуляции сознанием, допустимых и востребованных сложившимися демократическими институтами власти. Особое значение в данном измерении отводится средствам мас-

совой информации и манипуляции, которые катализируют дискурс масс в масштабе глобальной цивилизации. Сопряженность с демократией в данном случае опосредуется по схеме: если информация – товар, то и движение товаров должно быть «демократически свободным», товаром становится массовый спрос, включая духовное производство, массовое мнение, массовое умонастроение, массовая культура, которые, при поддержке медиакommunikаций, получают культурную легитимацию. Демократическая стратегия, ориентированная на признание и удовлетворение любых (за исключением ограничивающих возможности самой демократии) желаний, в сочетании с развитием дисциплинарных технологий власти, означает овладение любой культурно-антропологической потребности или интенции, вплоть до биологически индивидуальной.

5. Анализ перспектив бытования массы в плоскости грядущего информационного общества выявляет предпосылку новой формы власти: право на производство, распоряжение и реализацию информации предполагает, что она становится невидимо присутствующей в ветвях культурно-коммуникационных сетей, резко повышая возможности скрытой, эффективной манипуляции сознанием потребителя. Анализ культурной «ситуации постмодерна» позволяет выявить механизмы совершенствования культурно-антропологических «соблазнов», усиленных расширением коммуникационных каналов, созданием ресурсов культурного экспорта удовольствий. Если экзистенциальной энергетикой массы является желание, а «соблазн» – его конструкцией, то потенциал информационных средств по мере их перехода на уровень высоких коммуникативных технологий в отношении производства массы переходит в виртуально-симулятивную форму отчуждения человека в системе культуры.

Теоретическая и практическая значимость исследования выражается в системном выявлении сущностных слагаемых важного для современной культуры феномена – социальной массы, принципов его включенности в социокультурную динамику, в аналитике его модификационных типов.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов исследования для подготовки лекционных курсов, связанных с философско-культурологической, социально-философской и политологической проблематикой, а также спецкурсов по теории современной культуры.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации имеются выступления на научно-теоретических конференциях: «Философский анализ процессов глобализации» (III Всероссийский научно-теоретический семинар 1 декабря 2008 г.; ТулГУ); «Философский анализ процессов глобализации» (IV Всероссийский научно-теоретический семинар 1 декабря 2010 г.; ТулГУ) и аспирантском семинаре кафедры философии Тульского Государственного университета.

Диссертация обсуждалась на кафедре философии ТулГУ и рекомендована к защите.

Основные положения диссертации отражены в шести публикациях, общим объемом более 2 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируется цель и задачи диссертационной работы, теоретико-методологический базис, положения, выносимые на защиту и новизна исследования.

В *первой главе* «Теория масс в социально-гуманитарной науке и философии» рассматривается оформление и закрепление традиции научного (прежде всего, междисциплинарного) и философского изучения феномена массы, выявляются социально-культурные предпосылки становления социальной массы в различных ее культурных и культурно-антропологических модификациях, разработка базового понятийного аппарата ее философско-культурологической интерпретации соответственно текстологии ведущих теоретиков данной области.

Первый параграф «Социально-гуманитарная парадигма исследования масс» посвящен психоаналитическому и социально-гуманитарному подходам, создавшими междисциплинарный контекст исследования культурного феномена массы (концепции З. Фрейда, Г. Лебона, Г. Тарда, С. Сигиле, В. Райха и др.).

Интерес к толпе, как специфическому социальному, политическому, культурному образованию явился логическим продолжением стратегий изу-

чения проблемы культуры и человека, личности, ее прав и свобод, особенно активно реализуемых с начала эпохи Просвещения и до настоящего времени. Предметом повышенного интереса масса становится в художественном творчестве Нового Времени – в частности, у романтиков нач. XIX в. На протяжении XIX в. оформляются философские и научные (социологические и психологические) подходы к изучению нового явления – «омассовления» общества.

Ф. Ницше один из первых акцентирует фактор доминирующего влияния масс в структуре общества модерна и подвергает данный процесс беспощадной критике, усматривая в нем признаки надвигающейся катастрофы культуры и личности. Примерно в то же время берет начало научное исследование психологии масс, выходят в свет фундаментальные труды социологов и психологов (Э. Дюркгейм, Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд и других классики).

Рассмотренные в данном параграфе теории принадлежат исследователям, которые жили и трудились в период, соотносимый по времени с тоталитарными режимами – либо в их преддверии, как Фрейд, Лебон и Тард, либо являлись их современниками, как Фромм и Райх, либо осмысливали их социальные последствия, как Московичи. Потому понятна во многом их общая установка – связать тоталитаризм и массу едиными социально-психологическими и культурно-антропологическими основаниями, которые они находят в социальной пассивности и открытости внушениям массы и, с другой стороны, потребности объекта для реализации властных устремлений ее лидера.

Если иметь в виду хронологическую последовательность развития учения о «массе», отталкиваясь от анализа рассмотренных концепций, легко заметить, масса эволюционирует от «толпы» к собственно «массе». Лебон один из первых выделяет тезис о том, что толпа – это не просто рядовое культурное формообразование, но нечто принципиально новое и неординарное, требующее специфических методов анализа, и указывает на опасность распространения данного феномена в обществе, как стягивающего к себе структуры ментальности. У Тарда оформляется идея о трансформации толпы в *публику*, как более передового и интеллектуального социального образования, тем не менее, столь же пассивного и зависимого, как и толпа Лебона. Райх и Фромм уже предпочитают говорить именно о «массе», подчеркивая ее объем и значимость в социокультурной системе, что с очевидностью подводит к выводу о росте ее социального веса и значимости в современной культуре, местом

дислокации массы (по Фромму) неуклонно становится городская цивилизация. С. Московичи, хотя и апеллирует к понятию «толпы», но вполне очевидно, в форме дани предшествующей традиции, термин «масса» в его словоупотреблении более широк по содержанию, куда толпа включается как частный случай, тогда как концепт «масса» более операционально эффективен.

В целом, в рамках социально-гуманитарного дискурса фиксируется нарастающая угроза со стороны масс, поглощение индивида массой, сопряженная с нивелировкой личности и унификацией, массофикацией культуры. Философией культуры интерпретируется состояние индивидуальной свободы, свойственной сильной, самодостаточной личности, которой все более успешно противопоставляется свобода массы, требующая подчинения ассимилированных в нее членов, так что утрата личной свободы с избытком компенсируется возможностью реализации бессознательных инстинктов и анонимностью действий, что фактически открывает дорогу произволу чувств взамен свободы разума.

Во втором параграфе *«Философско-культурологическая традиция интерпретации дискурса масс»* интерес сфокусирован на философской линии исследования масс, их социокультурной функциональности, выраженной трудами направлений философии жизни, экзистенциализма, франкфуртской школы неомарксизма (в частности, Ф.Ницше, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, Х. Арендт, Э. Канетти, Т. Адорно и Г. Маркузе).

Ницше один из первых «клиницистов» и «симптоматиков» от философии, кто выступил с резкой критикой современной культуры, вынося ей приговор: «омассовление». Во времена Ницше душа «ressentiment» еще содержит скрытое и держится на скрытом, но в дальнейшей перспективе скрытость преобразовалась в замкнутость на собственное «Я», которое затем развоплощается в культурных идентификациях с фигурами власти.

Интерес к феномену масс в XX столетии проявляют не только социологи и психологи, привычные к постановке «диагнозов», в том числе и социальных, еще более масштабно и остро данная проблема ставится в трудах философов. В 1920-30 гг. к исследованию феномена массы подключаются философы и теоретики культуры (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти, Д. Лукач, Т. Адорно, Г. Маркузе и др.).

Текстология экзистенциализма дает ясное представление о том, что представители данного философского направления остро и глубоко трагично

переживают проблему омассовления современного общества. Ясперс соглашается признать – в наше время весьма возможна утрата всего наследия культуры, накопленного человечеством с начала «осевого времени». Ясперс соглашается признать – в наше время весьма возможна утрата всего наследия культуры, накопленного человечеством с начала «осевого времени». Главная опасность современности и маркирующий ее признак – *«массы становятся решающим фактором в происходящих событиях»* (данная фраза в русской редакции выделена Ясперсом).

С точки зрения Ортеги-и-Гассета, масса порождена экономическим изобилием. Достигнутый экономический и политический комфорт позволяет современному индивиду не бороться и не становиться собой, достаточно ограничиться гарантированными обществом возможностями и правами, незначем позиционировать себя в отношении лучших, если экономикой обеспечено ощущение самодостаточности, а современный либерализм позволяет безболезненно нейтрализовать культурные содержания, превосходящие понимание толпы. Так порождается ситуация самодостаточности и самодовольства – «герметизма сознания», «закупорки души», препятствующей воздействиям извне. Особенность нашего времени даже не в том, что посредственность способна мнить себя незаурядной, но в том, что собственную пошлость она впервые получила санкцию на легитимацию *права на пошлость*. Нынешняя культура впервые вывела на историческую сцену новый человеческий тип – воплощенную *посредственность*, чье существование подкрепляется материальными и правовыми гарантиями, как следствие – убеждением в собственном превосходстве.

В свою очередь, Х. Арендт обосновывает важную констатацию: в наше время не народ, движимый личными интересами, привлекается к политическому управлению и активному в нем участию, но масса, покупающаяся на привлекательный культурно-идеологический продукт. В массе, в отличие от толпы, отсутствуют «нормы и жизненные установки господствующего класса», равно как и установки любых классов, т.е. субъект массы не только деклассирован, но и деполитизирован. Существенный признак «человека массы», отмечает Арендт, не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений.

Представители франкфуртской школы неомарксизма (Адорно, Маркузе) в определенном смысле также настаивают на логической неизбежности

рождения массы в современном мире, хотя их теоретические выкладки строятся в совершенно ином – социокультурном ключе. Истоком массового сознания ими признается развитие и укрепление гуманистических умонастроений, начиная с идеалов Просвещения и заканчивая реализацией принципов европейской демократии. Борьба за эмансипацию индивида в результате и привело к триумфу «толпы». Данный подход позволил неомарксизму если не предложить строгие дефиниции, но четко обозначить одну из ключевых проблем современности – деформирование индивидуального сознания, нивелировку частного всеобщим, вторжение в сферу свободы личности под эгидой защиты демократических прав и свобод и прояснить основания производства нового культурного феномена «массы».

Во второй пол XX в. исследованию «человека массы», социальных и культурных условий его «производства» пристальное внимание уделяют постмодернисты, в первую очередь, Ж. Делез и Ф. Гваттари, Ж. Бодрийар и М. Фуко. Последний особенно выделяет проблему власти или, точнее, «власти-знания», силой которой создаются дисциплинарные институты социального управления и подавления, что, так или иначе, стимулирует состояние «массы».

В целом, вклад философов в разработку оформления дискурса о массе заключается в двух положениях. Во-первых, это дополнение теории положениями о социально-экономических и культурных предпосылках ее (массы) становления в современной истории. К таковым, в целом, философы относят: в *материальном* отношении – в качестве потенциального фактора сказывается появление на рынке труда лишнего контингента рабочей силы в связи с развитием промышленных технологий, в качестве актуального – укрепление материально-экономической базы общества, прогресс науки и техники, предоставивший возможность удовлетворения экономических потребностей даже для «избыточного» (экономически не продуктивного) слоя народонаселения. Больше внимание в исследованиях отводится *духовным и культурным* основаниям феномена: усвоение обществом идеалов либеральной демократии (заложенных эпохой Просвещения, Модерна), переход от постулатов веры к могуществу разума и постепенное утверждение принципов всеобщего равенства и гуманистической заботы о каждом социальном слое, независимо от степени его реального участия в общественно продуктивной деятельности.

Во-вторых, это разработка нравственного содержания менталитета массы. Начиная с Ницше, мораль массы объясняется как производное от ее

оппозиционного положения в отношении к смыслообразующим идеологическим структурам, что отражается в принципе *ressentiment*, постулировании нигилистической «анти»-позиции по теории Ясперса, качествах отрицания – равнодушии, безразличия, инертности, компенсируемых негативизмом к конструктивным элементам социальной системы у Арендт. Как видно, после Ницше острога его суждений лишь смягчается, но сохраняется по сути. Если же иметь в виду компоненты характера массы, прорисованные в социально-гуманитарном дискурсе, то и спроецированные в философский контекст, они практически не находят опровержений или значительных корректив, но только приобретают по-философски более акцентированное выражение, например, в формулировке Канетти: «масса никогда не насыщается».

Вторая глава «Производство массы в культурной ситуации постиндустриализма и постмодерна» посвящена анализу присутствия масс в постсовременной ситуации, первичное внимание уделяется структурам культурного производства и воспроизводства масс в ракурсе понятий «желание», «соблазн», соотношению с институтами власти, демократии, а также структурами «информационное общество».

В первом параграфе *«Производство массы и концептуализация стратегий желания в неклассической философии культуры»* рассматривается соотношение массы и власти как социокультурных форм и институтов современного общества. Особое внимание уделено механизмам интенсификации желания, детально проанализированным в неклассической философии.

Как было показано в предшествующей главе, масса по своим специфическим качествам представляет, по сути, пассивное образование, генератор потенциальных желаний, а потому легко оказывается в различных степенях зависимости от культурных инстанций, способных эти желания удовлетворить, объектом эксплуатации для различных форм власти. В данной связи актуальным является анализ культурных механизмов взаимодействия полюсов «масса – власть» (т.е. сферы продуцируемых желаний, с одной стороны, и источника порядка, с другой), поскольку в современных условиях масса не просто искусно контролируется и управляется, но и производится дискурсом власти.

Начиная с Ницше можно уже рассуждать о становлении нового контура представлений о власти. С другой стороны, с теории Фрейда и его после-

дователей (включая и критиков), берет начало дискурсивно отчетливая и целенаправленная установка на *онтологизацию желания* (в его сексуальной транскрипции). Приятие онтологичности желания, дополняемое проработкой его фундаментальной метафизики, не в меньшей степени свойственно экзистенциалистской теории Ж.-П. Сартра («Бытие и ничто»).

Особого внимания заслуживает концептуализация желания и власти в более современной работе Делеза и Гваттари «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип» (1972 г.), где вводится ставший распространенным понятийный оператор «желающая машина». Во-первых, Делез и Гваттари бескомпромиссно и совершенно доказательно заявляют об универсальной зависимости «человека массы», причем не только в условиях тоталитарной культуры, но и в ситуации доминирования «капитала-власти», куда можно отнести и феноменально выражаемую стратегему либеральной демократии, так же разрабатывающей субъекта в ипостаси «машины желания». Во-вторых, существующая форма власти реализует себя в сингулярных и невидимых потоках, захватывающих индивида в сети производства желания, а, значит, культурный тоталитаризм наших дней давно уже не нуждается в применении грубой силы, он действует так, что желаемое, не оказывая сопротивления, само движется навстречу, поскольку власть действует не на поверхность «тела без органов» (в виде приказов), но поражает само сознание, даже глубже – овладевает бессознательным (мягкие, культурно-коммуникативные технологии власти).

Однако проблема в том и заключается, что современная власть освоила искусство инкорпорирования человека в «токи и течения» (Ж. Бодрийяр) ее организма, и данная противоречивость ею нейтрализована, откуда делаются выводы о «хаотизации» культурного и наступления царства «нейтрального», о массу разбиваются все традиционные формулы культуры и общества. Проблема переходит в иную плоскость нетрадиционного осмысления «конца социального», чем непосредственно занялись постмодернисты. В данном случае концептуализация проблемы основательно производится Ж. Бодрийяром: едва ли не во всех его крупных работах тема массы проходит, если не ключевой, то, по крайней мере, контекстуальной.

Философ акцентирует мысль о дискурсивной и феноменальной «неуловимости» массы, дефинитивно данное понятие не поддается однозначному реконструированию, что находит логическое продолжение в учении о ее си-

мулятивным характере. Она лишена и субъектности, и объектности, становясь социально аморфной, анонимной, к тому же пластичной, податливой для поглощения внешних культурных и идейных воздействий и энергетических восприятий, и в таком качестве она вызывает цепную реакцию вторичных симулякров – в области экономики, культуры, политики, что в целом квалифицируется как «конец социального». Конкретно, его смысл сводится к положению о том, что масса аннигилирует дифференциацию социокультурной сферы, в итоге традиционные общественные институты теряют свою субстанциальную опору. Отсюда проистекает и дополнительная проблема – утраты Другого, ведущая к поражению индивидуальной субъективности, отсекается путь к трансцендентности, идеям и идеалам, индивид вынуждается к идеальному полаганию собственного наличного состояния, реальность которого, возведенная в единственно возможный образец, превращается в «гиперреальность», идеальную модель самой себя. Неопределенность, как предикат состояния массы, активно используется инстанциями власти в собственных многообразных целях, а неопределенность, выраженная в плане отсутствия социальной идентификации, принадлежности провоцирует и терроризм.

Теория власти дополняется М. Фуко, преимущественно в трех аспектах. Первое – это положение о сопряженности власти со сферой удовольствия, желания (конкретно, секса). Второе – учение о специфически современном «дисперсном» (по Бодрийяру, «рассеянно-сингулярном») характере реализации власти; и третье – единство власти и знания (истины). Благодаря Фуко становится ясной механика действия современных форм власти. Через дискурс сексуальности власть проникает в сферу телесности, забота о соблюдении нормы на самом деле оборачивается усилением внутреннего, скрытого (а потому и несравненно более мощного) контроля над порядком жизни индивидов. Вместе с тем стратегия управления радикально меняет схему приложения – от производства запретов власть переходит к интенсификации желаний, распределению удовольствий и каналов их потока, что повышает степень зависимости массы от властных инстанций, еще более способствует ее производству. Если сущностной чертой власти представляется дисперсия, сингулярная рассредоточенность, то в качестве культурной онтологии принципа массы утверждается желание.

Во втором параграфе «*«Демократическая масса»: общество потребления и массовая культура*» анализируется проблематика демократи-

ческих оснований построения культуры предпочтений в ракурсе их соотношения с перспективами существования и трансформаций массового сознания, массовой культуры и сферы потребления. Дается анализ функциональной специфики демократической власти по поводу «массофикации» фактора спроса и потребления.

Определения современного демократического общества симптоматически начинают обрастать коррекционными предикатами, например, «тоталитарная демократия», «гипердемократия» или «сверх-организованное общество», так что в соответствующем дискурсном пространстве представления об «истинной» демократии постепенно приобретают ноуменальный характер.

Специально рассматривается роль средств массовой информации в функциональных механизмах современной демократии и их способности к образованию масс. Первым шагом к подчинению и контролю над обществом (позиция известного публициста, философа и политолога С.Г. Кара-Мурзы), является создание «индустрии аморальности»: человек, дезориентированный в области морали, легче всего поддается управлению (добавим, для открыто тоталитарного правления на этом месте стоит вменение вины, виновный в той же мере управляем, только с иных позиций). В арсенале доступных для средств массовой информации, прежде всего, находится пропаганда упрощенных, за счет снятия запретов и снижения норм, чувствований и переживаний, поскольку они наиболее адаптивны к массовому потреблению и освоению массой. Ключевой принцип информационного воздействия, адаптированный современной демократией – атомизация человека. Индивид, вырванный из социального окружения, беззащитен в плане идеологического внушения, а значит, становится элементом для манипуляций. Нынешний «человек массы» в значительной степени создается СМИ, причем и с использованием апробированных технологий (известных со времен классического тоталитаризма, о которых писал С. Московичи). Упрощение смыслов, подгонка информационных данных под нужные вкусы и комплексы, адаптированные и внешне привлекательные формы презентаций, безальтернативность утверждений, навязчивое повторение и т.п.

Нынешняя экономика масскульта ориентирована на постоянную интенсификацию роста производства с целью удовлетворения «консюмеристских» настроений со стороны потребителей, причем самой же экономикой и стимулируемых. Проблема давно не в том, чтобы обеспечить общество нуж-

ными товарами и требуемом количестве, проблема заключается в усилении покупательского спроса, желания обладать. В плане сопряжения анализа экономики с проблемой массы, речь идет о констатации факта сведения интенции потребления к единственному основанию, «товарной» форме. В философско-культурологическом аспекте можно полагать, что сложившаяся ситуация во многом легимитирована идеологией постмодернизма с его установкой на плюрализм (а это атрибутивная черта той же демократии), культурную эклектику, интересом к маргинализму, признание (по крайней мере, допущение) любых позиций и убеждений.

Делается вывод: современная демократическая культура, власть и экономика продолжает способствовать интенсификации устроений общества в модусе «общества потребления», по характерологическим признакам близкого массовому (инертность, спонтанность, аффективность, иррациональность, самодовольство, сознание собственной мощи и значительности в парадоксальном соединении с готовностью подчиняться). Для современной демократии проблема стоит в нахождении баланса между существующим и должным, индивидуальным и общественным, стабильностью и конструктивным ее преодолением через распространение императивов индивидуального совершенствования (имеется в виду сфера духа, поскольку мифы от рекламы о нехватке «материн» – товаров, вещей, здоровья и без того в достаточной мере обеспечивают психологическую неуспокоенность субъекта массы). Решение проблемы опять же осложняется при учете развития современных культурно-коммуникативных технологий и средств, в том числе сети Интернет, информационно ориентирующихся на тот же массовый вкус и восприятие.

В *третьем параграфе «Массовая культура, информатизация и производство масс»* проблемы массового общества и культуры анализируются в проекции на футурологическую конструкцию «информационного общества». Рассматриваются новые приоритеты диспозиций «масса – власть», стратегии омассовления в условиях информационного социума.

С информационным обществом современные футурологи связывают будущее человечества, потому представляется актуальным и необходимым отдельное рассмотрение вопроса о механизмах «омассовления» социума, действующих в разряде информационных структур. Отталкиваясь от опыта осмысления современной «инфосферы», представленного трудами Д. Белла, Э. Тоффлера, Ж. Бодрийяра, современных отечественных исследователей,

есть достаточные основания утверждать, что развитие высоких коммуникационных технологий не только не снижает, но и всячески стимулирует процессы дальнейшего «омассовления». Информация сопряжена со знанием, хотя и не тождественна ему, а то, что власть имеет мощную тенденцию сращивания со знанием, убедительно показал в своих работах М. Фуко. Следовательно, данная область никак не может оставаться без внимания властных институтов, а факт заинтересованности власти в производстве массы с ее податливостью, управляемостью, склонностью к подчинению и жадой авторитета, отмечен и подтвержден многими исследователями согласно постулату «масса есть спутник власти». В данной связи формальный выход СМИ из-под централизованного контроля на самом деле, по Бодрийяру, оборачивается рассеянным, неявным проникновением власти в капилляры информационных структур и более циничным воздействием на обывателя – во-первых, ввиду снятия цензуры с каналов доступа к запретным темам (порнографии, насилию, экзальтированным и перверсивным формам агрессии и секса, т.е. того, что всегда животворило телесность массы), во-вторых, по причине кодификации информации под замыслы распорядителей ее производства, проще говоря, расширением возможностей искажений истины.

Становится ясно, что по мере разветвления каналов информации, пропуская через дополнительные культурные фильтры и точки диверсификации, «на выходе» реципиент уже сталкивается с продуктом мифотворчества, нежели чем результатом попыток ее объективного преподнесения, а то, что нынешний социальный субъект живет в атмосфере разрастающихся мифов, прекрасно продемонстрировал Р. Барт в «Мифологиях».

Сказанное позволяет автору сделать предварительный вывод: совершенствование информационных технологий не ослабляет, но интенсифицирует процессы производства массы и массовой культуры в современном социуме. Поскольку энергией жизни массы является желание, а соблазн его конструкцией, то потенциал информационных средств в отношении производства массы в данном случае увеличивается по экспоненте. Индивидуализация и персонализация запросов на товары и услуги, усиливающие, как полагал Тоффлер, процессы «демассофикации», на самом деле лишь подогревают силу желаний бесконечностью предложений. Если параллельно учитывать и позицию Бодрийяра, то можно добавить: причастность к информации и обеспечивает присутствие виртуального Другого (причем, в нужной мере

пластичного, подстраиваемого под интересы массы), пусть искусственного, но контакта, что в целом только способствует поддержанию жизнеспособности массы в данной экзистенциальной плоскости.

Анализ дает основания констатировать: «массовое общество» и «массовая культура» не являются транзитивным звеном перехода к информационному обществу, поскольку последнее адекватно «снимает» его в себе, они вполне совместимы и комплиментарны в отношении друг к другу, т.е. и в информационном статусе они продолжают оставаться «массовыми». Массовое общество и массовая культура, соединяясь с информацией, порождают и «массовую информацию», а ее доступность, распространенность, рассредоточенность по искусственным каналам, что и делает ее предметом массового потребления, является одним из неотъемлемых признаков информационного общества. По этой причине рядовой потребитель, ощущающий свое место в виртуальном мире как «одно из» миллиона присутствующих, только сознательно или неосознанно укрепляется в роли атомарного элемента массы.

В **Заключении** автор представляет основные выводы и итоги диссертационного исследования.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Статьи в журналах из списка ВАК:

1. Грибов С.Н. Производство информации и производство социальных масс // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки» – 2009. – Вып. 2. – С. 3-12. (0,6 п.л.).

2. Грибов С.Н. Философская традиция в изучении феномена социальных масс // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. – № 8(79). Вып. 12. – С. 174-183. (0,9 п.л.).

В других изданиях:

3. Грибов С.Н. Функционирование социальных масс в условиях глобализационных стратегий // Философский анализ процессов глобализации: Тезисы докладов III Всероссийского научно-теоретического семинара 1 дек. 2008 г. в Тульском Государственном университете / Под общ. ред. А.Г. Троегубова. Тула: ООО «Контур», 2008. С. 5-8. (0,2 п.л.)

4. Грибов С.Н. Демократия и манипуляция сознанием //Социально-философские проблемы современного социума и культуры (аспекты) / Сб. ст. под общ. ред. А.Г. Троегубова. Тула: ООО «Контур», 2009. – С. 8-14. (0,5 п.л.)

5. Грибов С.Н. Массовая культура в аспекте глобализационных процессов// Философский анализ процессов глобализации: Тезисы докладов IV Всероссийского научно-теоретического семинара 1 дек. 2010г. в Тульском Государственном университете / Под общ. ред. А.Г. Троегубова. Тула: ООО «Контур», 2010. С. 3-5. (0,2 п.л.)

6. Грибов С.Н. Проблема сопряжения массы и власти в постмодернизме//Человек. Общество. Культура. Сб. статей / Под ред. А.Г. Троегубова. Тула, ООО «Контур», 2010. С. 3-11 (0,6 п.л.).